

Копипаста: Чирок-свистунок — Lurkmore

Копипаста про [Чирка-Свистунка](#).

Катя и чирок-свистунок

Катя была необычной девочкой, милой, отзывчивой, весёлой. Пять лет назад, когда ей было всего девять лет, случилась беда. Катя с родителями ехала на машине в деревню. Папа был в расстроенном состоянии, ведь его лишили работы, из-за статьи, в которой он написал своё мнение о работе правительства. Из-за своего настроения он не справился с управлением, и машина не вписалась в поворот, врезавшись в дерево. В тот миг в голове Кати пронеслись самые счастливые моменты жизни. Она не хотела умирать, вся жизнь должна была быть впереди. Но сквозь заливающие глаза потоки крови она увидела рядом с собой маленькую птичку с зелёной полоской на крыльях. Катя поняла — это чирок-свистунок. Значит — будущего нет. Будущего нет. Будущего нет...

Илья Маслов и чирок-свистунок

Мальчик Илья был необычным мальчиком. Пророк Хаоса, один из основателей национал-оккультизма, сторонник борьбы с антинародным режимом атсральным путем, ну и отрада родителей. Однажды Илюша залез на двач и как обычно начал фапать на Чёрного Властелина. Как вдруг его внимание привлекла картинка с уточкой. Как только он сфокусировал свой взгляд на зелёной полоске, что была на крылышке самца (Илья сразу понял — это селезень), он понял — это Чирок-Свистунок. Значит... тут в голове у Ильи что-то щёлкнуло, стало так невыносимо тепло, зрение начало тухнуть и в голове лишь отдавался клёкот чирка-свистунка — «гагагагага!». «Чирок-свистунок», подумал угасающим сознанием Маслов, «будущего нет»...

Элвис Пресли и чирок-свистунок

Элвис проснулся рано. Делать было нечего. Ему нечего было делать уже целый год. Путь на сцену был закрыт, он растолстел, и уже не мог петь. Первое время он плакал в подушку, но позже успокоился. «Эй, надо жить дальше» — сказал он себе. Не помогло. Вскоре он подсел на наркоту, которую ему толкал Джонни Вельвет, длинный нигер, всегда подъезжавший к клиентам на дом. Элвис затарился наркотой заранее.

Он вынес свое старое жирное тело на балкон. День был солнечный и теплый. Внезапно в кустах что-то мелькнуло. Еще раз. И еще. Элвис прищурился. И ему почудилась зеленая полоска...

На ватных ногах Пресли прошел на кухню. Поставил кастрюльку на огонь. Всыпал порошок. Набрал полный шприц. И ушел в туалет.

Когда рука уже была перетянута жгутом, а вена набухла, Король успел подумать: «Может мне почудилось?» Но он сам знал, что это не так. Элвис Пресли поудобнее устроился на унитазах, вонзил иглу в вену и всадил в свое старое тело полный шприц героинового раствора. Последнее, что он успел подумать, прежде чем его разум канул во тьму было: «Да, я видел то что видел. Чирок-свистунок... А это значит... Будущего нет.»

Сид Вишес и чирок-свистунок

Сид вышел на улицу и вдохнул мерзкий, пропитанный ароматом бензина и грязи, воздух города. «Дерьмо» — подумал он. Да, мир обошелся с ним не лучшим образом. Нэнси мертва, ее тело стынет на столе коронера. Горло ее разорвано тупым столовым ножом. Рукава Сиды все еще пропитаны ее кровью. А все эта тварь...

Когда Нэнс сказала: «Сид, милый, я видела сегодня птичку. Таковую веселую, с зеленой полосой на крыльях», у Сиды сжалось сердце. Он знал, кого видела Нэнс. Сид недрогнувшей рукой взял нож и вонзил его в горло своей любимой девушке. А потом была полиция, камера, залог...

Сид вернулся из глубин памяти, когда такси остановилось у дома. Он расплатился и пошел к входной двери. И тут.. «Вот дерьмо» — успел подумать Сид и попытался зажмуриться, но не успел. Его взгляд выцепил утиный клюв и зеленую полосу на крыле. Сид вошел в дом, набрал полный шприц героина и вколо в преплечье. Лег на кровать, чувствую, как расслабляется тело, унося мозг во влажную темноту. «Чертова тварь.» — подумал Сид Вишес — «Чертов чирок-свистунок. Чертово будущее, которого нет...»

Егор Летов и чирок-свистунок

Егор сидел на кухне и пил водку. К горлу подкатывала тошнота. Да, именно тошнота, та самая, сартровская. Господи, если бы ты знал как это всё заебалось! Но Егор знал, что не пришло ещё время — жизнь является даром бесценным, потому что ни продать её, ни подарить толком никак не получится. Жизнь — это всего лишь ключ к одной единственной двери. Егор мрачно пил водку и вспоминал строчки из своих старых песен. Порочный запах засохшей рыбы щекотал ему ноздри — как известно, засохшей рыбой пахнут две вещи в мире. На этот раз это была засохшая рыба. Егор пил водку. Как вдруг его сознание просветлело — из глубины души пошла волна вселенской,

нечеловеческой грусти. Такую испытываешь иногда во время ЛСД-трипов, когда понимаешь что ничего не умирает, что душа — вечна, что плоть — это всего лишь одежда. С этим благостным чувством Егор пошёл спать. Ему приснился Чирок-Свистунок, манящий крылом в сторону шести ярких разноцветных пятен света. Егор поплыл, невесом, по направлению к пятнам света, вслед за Чирком-Свистунком и нырнул в одно из них — пятна оказались огромными провалами в другие миры. Завтра не наступит, потому что сегодня — вечно. Такой была последняя мысль Егора.

Жаклин и Джон Кеннеди и чирок-свистунок

Жаклин поправила шляпку и помахала фотографам рукой. Вспышки слепили ее, но она продолжала улыбаться. Джон тоже улыбался, и явно наслаждался вниманием. Жаклин с любовью поглядела на него... Машина медленно ехала к книгохранилищу.

Внезапно с красного здания книгохранилища вспорхнула уточка. С зеленой полосой на крыльях. «Нет!» — хотела закричать Жаклин. Но поздно. Ударил выстрел, и голова Джона разорвалась. С воем собирая кусочки мозга своего мужа, Жаклин Кеннеди понимала что будущего нет...

Ли-Харви отложил винтовку. Он не видел чирка. Пока. Он увидит его позже, на выходе из зала суда, когда пуля, выпущенная из револьвера, попадет ему в живот, и будущее исчезнет...

Игорь Тальков и чирок-свистунок

Зал бушевал. «Игорь! Игорь! ИГОРЬ!» — ревела толпа. Их кумир не появлялся. Наконец на сцену вышел директор ДК. «Дамы и господа, в певца Игоря Талькова только что стреляли. Он тяжело ранен». В обрушившейся тишине грома прозвучло криканье. Тень метнулся под крышу ГК на крыльях с зеленой полосой. Будущего не было...

Игорь Василевский и чирок-свистунок

Игорь Василевский смотрел в окно. Его жена тихонько гладила его по плечу. "Знаешь, дорогая, — начал Игорь — «Я, как управляющий делами Президента, конечно же люблю свою работу. Но знаешь, может мне все бросить? Сын вот вырос, будет нас кормить...»

Жена убрала руку с его плеча и молчала. С ее лица отхлынула кровь, и она заплакала. «Игорь, я только что видела чирка-свистунка.»

И когда вошедший **Леонид Василевский** вытащил пистолет и выстрелил, его отец уже понимал, что будущего нет.

Машина Времени и чирок-свистунок

В наше время довольно популярны, так называемые «научно-фантастические» произведения литературы, кино, в которых рассказываются невероятные истории о путешествиях во времени. Во многих из них описываются «временные парадоксы», во многих-же такие парадоксы являются основой, закладывающей дальнейшее развитие сюжета. Я собираюсь рассказать вам историю, которая отличается от этих произведений хотябы тем, что произошла она в реальной жизни, в середине шестидесятых, в родном Советском Союзе, с четырьмя подающими надежды аспирантами небезызвестного ВУЗа. Для начала, я немного расскажу вам о себе. Родился я в славном Новосибирске, где и проживаю по сей день. На четвертый год обучения я полностью потерял зрение, из-за неудачного эксперимента.

Было у меня было четверо лучших друзей, мы были неразлучной кампанией — двор, детский сад, школа, училище, и в последствие университет — все это время мы были вместе. Мы не были, как это было принято говорить «хулиганами», кампания наша была тихой, спокойной, «правильной» — как того требовала идеология, но главное — самодостаточной и гармоничной. Иван — заводной парень, никогда не сидел на месте «шило в заднице» — так часто про него говорили окружающие взрослые во времена нашей юности. Эдик — копия Ваньки — даже более сумбурный. В противоположность им — Серега и Макс — эти двое были спокойными и даже инертными, растолкать их на какую либо безцельную шалость удавалось лишь Ивану, да и то не всегда. И я, пожалуй самый нейтральный из всей нашей бригады — воплощение анархичности темперамента. Я мог быть инертным как Максим, иногда диким как Эдуард, — фактор случайности в нашей кампаниеи...

История, о которой я хотел рассказать произошла с нами в аспирантуре Новосибирского государственного университета... Иван тогда был аспирантом на кафедре теоретической физики, Максим — ядерной, Сергей — математического моделирования. Эдуард-же, обучался во Владивостоке на факультете Биологии, (кафедра Зоологии) приезжал на какую-то очередную практику по орнитологии в академгородок. Я имел неоконченное высшее — был, что называется «летуном», и на тот момент учился на втором курсе филфака (философии), проскочив до этого первые курсы физического и математического. В те годы, после многочисленных открытий в области квантовой механики, а особенно открытия Фейнмана, развивающего пространственно-временной подход в механике оной, многие научные сотрудники, гниющие от безделья и скуки стали заниматься изучением теории путешествия во времени. Математики и физики разрабатывали новый матаппарат, способный описывать процессы происходящие при путешесвиях, конструкторы-самоучки, да и многие серьезные ученые от экспериментальной физики пытались создать «машину времени», что называется «методом тыка». Не избежала этой моды и наша, большей частью «техническая»

кампадка.

Однажды вечером, мы отмечали приезд Эдика в общежитие, за с трудом пронесенным внутрь пивом. После нескольких кружек начался разговор на популярную, указанную выше тему, в ходе которого Серега рассказал о своей новой модели описания пространственно-временных «проходов». На следующий же день физико-математическая тройка собралась на кафедре Сергея, для изучения его нового подхода. Дальнейшие события я к сожалению своему упустил, поскольку находился в отъезде, в стройотряде. По своему возвращению через месяц, я был приглашен в застенки физфака НГУ, где Иван и Сергей со светящимися от счастья глазами показывали мне их экспериментальную установку, которая была по их словам почти закончена. Тогда я не разделял их энтузиазма, вероятно ввиду своей усталости, после месячного батрачества на благо Союза, пятилетки и великого грядущего Коммунизма. Однако через неделю Макс планировал сделать небольшую демонстрацию, для чего пригласил всю компанию в лабораторию.

Как мне, далекому от физики человеку, объяснили, установка создавала сверхплотное магнитное поле, и бомбардировала его неплотным пучком заряженных частиц. Тот вторник, когда я потерял способность видеть мир, запомнился мне до мелочей. После занятий я съездил домой повидать мать, затем вернулся в общежитие, где благополучно дремал, пока не позвонил Сергей. Он попросил взять Эдика, и быстрее спуститься в лабораторию. Эдуарда я нашел в местном полу-ботаническом саду, у лесного массива окружающего здания общаги. В руках у него была небольшая, размером со среднюю бандероль, непрозрачная коробочка — как он объяснил — большая птица, найденная им у пруда. Поскольку долго задерживаться в лаборатории физтеха мы не собирались, а идти до комплекса общежитий было далеко, мы отправились напрямик к физикам. Ваня и Максим встретили нас у двери взглядами, полными терпения.

— «Наконец-то!»,- сказал Макс, нервно закуривая.
— «Все в сборе — начинаем»,- поторопил Сергей.

Убедившись что все надели очки, Макс подал питание на машину. Яркая вспышка, ярче солнечного света, на мгновение ослепила меня.

— «Можно снять очки»,- радостно сказал Сергей.

Осторожно сняв защиту, я увидел картину, поразившую меня своей красотой и нелогичностью. В центре кольца установки находилась сфера, белая с черными полосками, с виду текучая, сфера. Вокруг нее разливалось голубоватое сияние, освещавшее всю лабораторию. Макс подобрал с пола свои очки и бросил в кольцо. Очки немедленно, со стуком упали на стол у стены, распространяя в падении все то же сияние.

— «Сейчас установка работает как телепорт, как в фантастике.» -, гордо сказал Максим — «То есть перемещает во времени с нулевым отклонением, перемещает из настоящего в настоящее».

— «Мы уже пробовали действие машины на кошке, вернулась слегка ошарашенная, но живая»,- подхватил Сергей — «Так что, давайте решим куда отправимся». Мы с Эдуардом находились в шоке, с самого запуска машины, не в состоянии произнести ни слова. Первым очнулся Эдик.

— «Черт возьми! Я не верю, это действительно возможно? Это же мировой, мать его, прорыв в науке. Открытие путешествий во времени — то, о чем мечтали веками, то что способно дать неограниченную силу тому, кто способен его совершить.»,- выкрикнул он чуть ли не фальцетом.

После минутных мечтаний о том, что можно сделать имея столь безграничную власть — власть над первообразнейшим временем, мы наконец решили, что в прошлое отправляться неинтересно. Никто из нас не совершал в жизни непоправимых ошибок, а если и совершал то не жалел об этом, и исправлять их желания не имел. Будущее же, превлекло нас, поклонников фантастики. Мы хотели посмотреть на мир будущего, увидеть себя самих, на волне славы. Увидеть памятник первым путешественникам во времени и открывателям машины времени, Сергею, Максиму и Ивану. Мы решились, наше любопытство пересилило страх. Настроив машину на перемещение вперед на год, мы стали собирать необходимые вещи в лаборатории.

— «Готовы»,- спросил Макс? Он получил четыре утвердительных ответа, и мы встали перед машиной. На столе лежала записка для пояснения ситуации другим обитателям факультета.

— «Подождите, я кое-что забыл»,- сказал Эдик. Он взял подмышку коробку, которую поставил у стола — «Теперь порядок».

Мы переглянулись и сделали два шага к сияющей сфере. Снова переглянулись и шагнули вперед. Громкий стук заставил меня остановиться, когда мои друзья уже почти вошли в портал. Коробка Эдика, зацепившаяся за обмотку упала на пол и развалилась. Пятеро людей на полушаге обернулись. Время для нас остановилось, как на остановленной видеокассете. С пола на нас смотрел взгляд, полный ненависти, томный умирающий, и одновременно ликующий. Да, это был ОН. Время продолжило свое течение, мои друзья скрылись в портале. Внезапно сфера потемнела, на стол упали их кровавые останки. Я остановился лишь за мгновение. После чего яркая вспышка взрывающейся машины ослепила меня. Последнее что я помню в жизни — этот ликующий птичий взгляд, зеленая полоска, и пустоту великой сферы времени.

Эта картина предстает передо мной всю мою незрячую жизнь. Сфера, время, пустота. Будущего не было...

Я люблю обмазываться перьями

А я люблю обмазываться перьями и гэгэгаю. Каждый день я хожу у пруда с черным мешком для мусора и собираю в него все перья которые вижу. На два полных мешка целый день уходит. Зато, когда после тяжёлого дня я прихожу домой, иду в ванну, включаю горячую воду...ммм и сваливаю в нее свое сокровище. И гэгэгкаю представляя, что меня поглотил чирок-свистунок. А вчера в ванной, мне приснился чудный сон, как будто я нырнул в пруд, и прератился в чирка-свистунка. У меня нет будущего?

Чирок-Свистунок против Русской Голубой

Чирок чувствовал себя уверенно как никогда, зачистка последней деревни прошла прекрасно, и испуганные, перекошенные от ужаса лица колхозников все еще всплывали у него в памяти, придавая обеду ту необыкновенную приятственность, которую он привык ощущать после хорошо выполненной работы. «Какие они все-таки жалкие» — думал он, впрочем легкость его черной миссии тем не менее никогда не наскучивала ему и не омрачала мрачной усмешки посланника судьбы. Нырнув в последний раз за мелкой рыбешкой, он решил закончить трапезу и немного поплавать у самого берега, в тени ивняка. Подплыв чуть ближе, он почувствовал странное тепло, казалось идущее прямо от берега. "Странно, " — подумал он, — «ведь земля должна быть еще холодной в это время года.» Однако же предчувствие не смутило спутника смерти, он слишком привык к безнаказанности за последние месяцы: чирок подплыл еще ближе к ивам, к камышу, и уже было намеревался вздремнуть часок, как вдруг почувствовал, как юркая, резвая тень мелькнула над его головой. «Очередная жертва» — подумал он, — «боже, это уже становится слишком просто — убивать во сне, надо будет придумать что-нибудь поинт..» Он не успел додумать мысль, просто это был не его день. Тень, мелькнувшая в тот миг над ним, отдавала синеваго голубого русского неба.

Стая собирается на юг. Они всегда в пути, всегда стремятся донести свой прощальный привет до каждого дома, до каждого приговоренного: судьбой, врачом, судом. Черета жестоких убийств уже смолкала в ростовской области, а в африке, сами того не зная, тысячи людей уже были готовы попасть в объятия геморрагической лихорадки. Вожак собирает стаю. Как всегда, как каждый год. Лишь одна мысль не дает покоя старому селезню, одна тяжелая дума сдает его вот уже который день: где же пятеро храбрых товарищей, где забияка Нильс, где неразлучные братья Фриц и Микаэль, где развратная стерва Этель с задорным хохолком, где, в конце концов, Гюстав — верный соратник, не раз прикрывавший его, вожака, спину? Почему задерживаются они, ведь стая уже второй день в нетерпении ожидает перелета. Да и опаздывают они или? Или — что? Нет, эту мысль старый Калев усиленно гнал от себя. Не может этого быть. Вот уже десять лет, как последняя голубая бестия была растерзана стаей. «Их род вымер. Мы победили их.» — вслух прооизнес грозный свистунок. Слова его прозвучали как самоутешение. Воздух был тяжел для старого чирка, он был наполнен непривычным теплом и в нем витал странный, давно позабытый, но неожиданно-пугающий запах.

Окровавленное крыло отчаянно ныло, заставляя, уже было взмыв ввысь, вновь садиться на землю и бежать, перебирая перепончатыми лапами. Таким макаром далеко не улетишь, но, впрочем, в этом и не было необходимости: убежать, укрыться, найти укромное местечко, где можно было бы переждать, подлечить раны, а заодно и собраться с мыслями — вот оно! Чирок в рывке отчаянном, будто последнем, метнулся в заросли ежевики. Затих, вернее попытался затихнуть, с трудом унимая тяжелое дыхание. Не может быть, невозможно! Впрочем, то что голубое возмездие вернулось уже не было страшной фантазией, удивительным было другое: как, преследуя не менее суток далеко не самого медленного в стае Нильса, хищник смог, выйдя таким образом на стаю, без передышки напасть. Да не просто напасть — меньше получаса понадобилось ему, чтобы от закаленной в боях армады свистунков осталась лишь куча пуха и перьев, носимая над землей осенним ветром. Это был позор для стаи, но еще больший позор это был для бывалого вожака, отлеживающегося сейчас в ежевичных кустах. Но ничего, ветеран и не думал падать духом, вот только передохнуть, а потом он махнет в соседнюю губернию, к братьям, и они вернутся вместе, ох как же славно они вернуться, какую дивную травлю они устроят. Голубой зверь еще узнает, что такое матерые свистунки, он заплатится за все, за все... это ему не селезней-двухгодовок рвать. «Карл, Адольф, мы еще покажем этому!..»

— Карл, это который с зеленым пятном в форме ромба на шее? — послышался совсем рядом тихий насмешливый голос, — Он был такой жилистый, право не стоило с ним возится, потом полдня пришлось выковыривать его ошметки из зубов. Это тебя расстраивает, как я погляжу?

— Ненавижу, — злобно прошипел старый вожак. Впрочем, презрительный тон не мог замаскировать другую, гораздо более сильную эмоцию. Фатальная растерянность, иррациональный ужас, беспомощная злоба — все то, что он с такой легкостью привык приносить людям, переполняли теперь его самого. Грациозный, покрытый гладкой голубоватой шерстью, зверь приближался к нему; мягко, бесшумно ступая на обманчиво-нежные подушечки лап, в которых безошибочно угадывались смертельные лезвия, судия и палач склонился над старым селезнем.

«Будущего нет» — промелькнуло в сознании вожака стаи, прежде чем молочно-белые клыки сомкнулись на его шее.

Номад и чирок-свистунок

Номад весело шёл по лесной тропинке. День выдался на славу - через лес прошёл богатый корован, и сейчас нехилая часть ценностей, которые он перевозил, покоилась в заплечном мешке путника. Он уже предвкушал возвращение в свою тайную пещерку, где он прятался от охраны дворца, когда ту посылали прочёсывать лес, жареную баранину с хмельным элем из придорожной таверны рядом с лесом, купленным на деньги, доставшиеся ему от прошлых корованов, но самое главное - он мечтал о том, как потратит доставшееся ему нынче золото... учитывая всё что он скопил за время грабежей, подумал Номад, он уже мог считаться весьма состоятельным человеком. Не лучше ли бросить это всё? По крайней мере пока? Уехать куда-нибудь на юг, купить большой дом, давать деньги в рост... и прожить всё оставшееся время в роскоши!

Чёрт побери, а почему бы и нет?! - подумал Номад. К чертям все эти корованы, хватит подставлять свою глотку под сабли охраны! Он остановился. Ха! Да, сегодня он наконец решился. Сегодня первый день его будущего - прекрасного, восхитительного будущего! Он посмотрел на тропинку, избегающую в горы и махнул рукой! Сегодня он не вернётся в эту тесную пещеру! Он будет гулять в харчевне! Гулять и радоваться! Весело насвистывая, Номад свернул с тропки и пошёл прочь из лесу. Вскоре он на дороге, которая сегодня принесла ему очередной подарок судьбы. Небольшая таверна, привечавшая путников, стояла с распахнутыми дверьми. Из трубы валил дым, а из зала для посетителей неслись пьяные песни. "О, кто-то уже гуляет", подумал Номад, и хотел уже было перейти дорогу, как вдруг что-то пролетело у самого его носа.

Слегка опешив от неожиданности, Номад пригляделся и увидел небольшую уточку, с зелёной полоской на крыльях. Усмехнувшись, и подумав, что как-то слишком далеко пичуга улетела от воды, он продолжил путь, как вдруг...

"ЭТО ОН!!! НОМАД!!! ГРАБИТЕЛЬ КОРОВАНОВ!!!" - раздалось откуда-то. Номад резко обернулся и увидел позади себя человека в чёрной широкополой шляпе, чёрном камзоле и плаще, с небольшими, аккуратно подстриженными усами и бородкой и очень гнусным выражением на лице. Очевидно он и кричал. "Вот злодей, вот гнида..." - пронеслось в голове у Номада, но думать было уже некогда - из таверны начали один за другим выскаивать стражники - они-то и гуляли там сегодня.

Номад бросился бежать, но метко пущенная арбалетная стрела попала ему в ногу. Падая, он успел перекатиться и выхватить меч. Но раненый, и без привычной поддержки эльфов, он не представлял угрозы для тренированной стражи. Через пару секунд он пропустил выпад алебардой и она с размаху вошла ему в бок. Падая, он успел заметить как на руку давешнему злодею садится та самая утка... Человек в чёрной одежде погладил её, и незаметно подхватил отлетевший в схватке в сторону мешок с золотом и побрякушками. После чего усмехнулся, глядя на Номада ипошёл прочь. Номад попытался показать стражникам на уходящего вора, но не смог. Он дёрнулся и затих. "Моё будущее..." только и успел подумать Номад, перед тем как всё потемнело, "Этот злодей украл моё будущее... теперь у меня его нет. Будущего нет."

Чирок-Свистунок и занимательная мифология

Каждого, наверное, в далёком детстве мамы-бабушки развлекали *потешками*.

... Гуси-гуси, га-га-га, Есть хотите? Да-да-да.

... ..полетели-полетели, На головку сели.

Эти незатейливые стишки - не что иное, как своеобразные заклинания, слова силы, мягко и ненавязчиво подготавливающие ребёнка к очевидному и неизбежному. Чирок-свистунок незримо парит над нашими головами с самого начала.

И в более позднем возрасте детская прибаутка находит отклик. Все знают эту немудрящую романтическую забаву - кормить с моста уточек. Просто кидать в воду куски булки и наблюдать, как прожорливые утки, галдя, набрасываются на размокший мякиш. А ведь на самом деле это ритуал, своеобразное жертвоприношение, попытка задобрить чирка-свистунка.

Кстати, существует мнение, что увидеть птенца или просто очень молодую особь чирка-свистунка, то фатальное "будущего нет" отменяется. Будущее будет. Правда, такое, что лучше бы его всё-таки не было. Есть поверье, что в таком случае следует отловить утёнка и выкармливать его до полного взросления (некоторые считают, что также необходимо приучать растущего птенца срать хозяину на голову, но в истинности этого учения мы склонны сомневаться), чтобы таким образом избежать тяжёлого, невыносимого будущего.

Чирок-свистунок и Сережа

Сап, анон. Мне 10 и у меня есть перья, потому что я — чирок-свистунок. В нашем районе есть башня (16 этажей) в ней лестничным проходом, кроме первых 2-3 этажей, никто не пользуется, и под вечер туда стягивается быдло со всего района. Я люблю присесть на березу неподалеку от этой башни и ждать. Изредко мимо меня проходит презренное быдло, и тогда — я ликую. Пристальным, гнетущим взглядом я

провожаю пошатывающегося прохожего, лишая тем самым пьяную мразь даже призрачной надежды на будущее. Радостно! В этот день я решил полетать по городу, поразмышлять о топологии. от моих мыслей меня отвлекла необычная картина, увиденная мною около отделения милиции. В машину садилась зареванная девочка, а за ней — парень. Прежде чем забраться в салон он злобно сплюнул на асфальт и прохрипел: «Пиздец теперь блять Сереже!». Присмотревшись к девченке я вспомнил, то видел ее вчера идущей в башню с каким-то нелепым прыщавым пареньком. И... я все понял. Сережа... Моя ненависть сама привела меня к его дому. Залетев в открытую фоточку, я обнаружил Сережу спящим на кровати. Бодро щелкнув клювом, я подлетел к его лицу и начал выклевывать ему глаза, прямо через сомкнутые веки. Неуклюжие, судорожные взмахи рук едва ли могли мне помешать, а его полные ужаса крики — «ебал моя голова, ебал моя голова!» — только делали мой клюв тверже...